

ПОБЕДАШ-САВОЩЕНКО
МАРИЯ

Литературный конкурс
«Любовь между строк»

Победитель

Литрес

САХАР НА АСФАЛЬТЕ

Мария Победаш-Савощенко

Сахар на асфальте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68954271

SelfPub; 2023

Аннотация

История внутреннего шторма человека, живущего жизнью примерного семьянина. Автор вместе с читателем ищет ответ на вопрос, возможно ли быть счастливой в тихой семейной гавани после яркой, бурной молодости, наполненной необдуманными поступками и страстью, воспоминания о которой не отпускают спустя года.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мария Победаш- Савощенко Сахар на асфальте

Глава 1

Московская область, 2021 год

Где-то припрятан домашний самогон, но к столу решено подать красное вино – как-никак присутствуют дамы.

Ирина Владимировна была полна энергии и внутренней дисциплины, которая обеспечивала ее внешности лестную для пятидесяти пяти лет физическую форму, обожала гостей и слыла знатной хозяйкой.

Маринованные лисички с репчатым луком и нерафинированным маслом в фарфоровой менажнице, холодец, традиционно украшенный веточкой укропа и розочкой из хрена, дымящаяся молодая картошечка в мундире с маслом, еще тающим на горячей коже, манили гостей от самого КПП.

После того как в СНТ «Кушадасы» поселилась семейная пара с ребенком, Ирина Владимировна поспешила разузнать всё о новеньких. На нее чета Саратовых произвела впечатление приятное, общение обещало быть комфортным. Это впечатление усилилось, когда соседи позвонили в дверь ров-

но в указанное время.

На пороге стояла красивая пара – оба высокие, хорошо сложенные. Мужчина обращал на себя больше внимания: уверенная поза, римский профиль, открытая улыбка, он весь будто был наполнен энергией действия, и эта энергия проби- валась через радужку больших голубых глаз, подчеркнутых густыми длинными ресницами. Подмышкой гость зажимал бутылку. Не с пустыми же руками идти знакомиться!

Девушка как будто пряталась в тени супруга – Солнца. Белокожая, с соболиными бровями и тяжелыми темными куд- рями, большими кольцами, ниспадающими по спине и ши- роковатым для женщины плечам, она смотрела мягко и теп- ло, чуть отстраненно. Ирина не сразу заметила, что в руках у девушки была автолюлька со спящим ребенком. На вид ма- лышу было месяцев пять-шесть.

Хозяйке дома показалось, что к ним приплыло облако гар- монии, спокойная и расслабленная атмосфера начала рас- пространяться по комнате.

Сорокапятилетний Дмитрий и тридцатипятилетняя По- лина перебрались в «Кушадасы» из Москвы вскоре после рождения ребенка. И, похоже, все в их жизни ладилось и шло по плану. Понравились они и супругу Ирины: общительные, но без лишней экспрессии, состоявшиеся, но без снобизма.

Застолье удалось. За дополнительной порцией грибочков на кухню бегали дважды, от холодца не осталось и следа! Дмитрий легко нашел общий язык с супругом Ирины, Ири-

на же вцепилась в Полину со святым намерением научить, исправить, направить и просветить.

– Послушай меня, за этими нужно обязательно проверять, если дать им один раз плохо убраться, то они все будут делать спустя рукава. Это такой менталитет, понимаешь, они уважают власть. Проявишь строгость, тыкнешь пальцем в пятно – и все, будут вежливые, шелковые, старательные, – распялась Ирина Владимировна. – для них, – указывая на мужчин, продолжила Ирина, – не имеет значения, как убрано. Они целый день в своих офисах, а нам, здесь, не все равно. Это наша жизнь!

Полина кивнула, очаровательно улыбнувшись, а про себя подумала: «Это не моя жизнь. Надо выбираться». Ей было абсолютно все равно, чем уборщица Мухабат отличается от Гульнасары, насколько наемные домработницы хитры и как следует их воспитывать. Волновало ее количество пустых бутылок под столом, а также сообщение в телефоне от безымянного абонента.

В плане уборки вместе с ключами от дома ей была передана и Гуля. Более 10 лет женщина без возраста и без каких-либо выдающихся черт обслуживала дом и досталась новым хозяевам бонусом при продаже. Она знала каждый уголок, сама раскладывала все по местам, находила пропавшее, чинила сломавшееся, сортировала и отдавала вещи в химчистку, перебирала гардероб, заказывала бытовую химию и вызывала электрика. В общем, была скорее домоправитель-

ницей, нежели работницей.

Полина была рада такой осведомленности их новой помощницы и скоро перестала удивляться, то обнаруживая на вешалках какие-то вещи, то надолго теряя их из виду. Она знала: все под контролем! И вообще, считала, что тема уборки – не повод для разговора вовсе. В ее системе ценности чистота в доме стояла месте на 25-м.

Телефон в кармане снова волнующе завибрировал, ребенок тянул руки к мопсу. Мопс выпучивал глаза и прятался под стулом. Полине хотелось в театр, а соседки предлагали вместе съездить в «Ленту». Досидев до девяти вечера и получив идеальный предлог – необходимость уложить спать маленького сына, Полина засобиралась домой.

Муж протестовал. Нечасто за последние месяцы ему удалось поговорить с кем-либо на действительно важные темы: Лига чемпионов, творчество Beatles, гениальность Леонардо. В лице мужа Ирины Владимировны он нашел идеального слушателя. Рослый, хладнокровный, знавший людей в прямом смысле слова (по профессии хирург) Игорь мог выдержать какую угодно беседу. И, как истинный медик, какое угодно количество спиртного.

Через час намеков Полина сдалась и ушла домой одна. Вернее, вдвоем с ребенком. Но это не имеет значения, когда идущих ног только две. Ребенок висел на матери сутками: спал, ел, играл, орал – все в нежных, иногда весьма нервных объятиях. Полина не сопротивлялась, но все чаще думала,

что ненавидит эту свою новую жизнь. Жизнь, о которой она мечтала, к которой стремилась, которой добилась. Загаданная сказка оказалась мышкой-полевкой, уже мчавшейся по столу, чтобы смахнуть золотое яичко.

А еще недавно Полина жила в центре города, любила вечеринки, легко знакомилась и легко расставалась. Не брала на себя серьезных обязательств и с азартом прыгала в омут, зачастую выплывая из него раненой птицей. Быстро приходила в себя, и внезапный порыв страсти со вкусом шампанского давал новый виток.

Однажды в мае она решила, что хочет большего. Чего именно, не понимала, но иного, незнакомого, качественно нового. И появился Дмитрий, харизматичный, неспешный, любящий детали. Со стильной проседью в густых волосах, он был неотразим, когда носил костюмы-тройки. Низкий, размеренный, поставленный голос подчеркивал его основательность и серьезность. Он ничего не требовал и не спешил, не пытался дотронуться до Полины, относился к их общению бережно, демонстративно старомодно. Они гуляли по набережным, иногда обедали вместе, много смеялись.

Полина была удивлена и тронута. Привыкшая к своему образу сексапильной веселушки, она никогда не задумывалась, что на самом деле человеку нужен обычный человек. К 32 годам она была уже глубоко разочарована и в себе, и в людях, отпустила поводья судьбы и жила по принципу «будь что будет». Дмитрий, имевший длительный опыт семейной

жизни, решил и вовсе больше в это дело не ввязываться.

Но прочувствовав, что каждый из них таит внутри, немолдые молодые вцепились друг в друга мертвой хваткой. Они были Парой. с большой буквы. И как-то незаметно, непонятно каким образом стали частью серой массы – обычные, стандартные, ничем не выделяющиеся, но очень милые: каждую субботу они ужинают с ее мамой, каждое воскресенье – звонят его. Два раза в неделю закупаются продуктами в ближайшем гипермаркете и планируют съездить в Европу на время летнего отпуска. А еще они теперь родители. Это целый новый мир.

Дома, переодев, накормив и уложив малыша, Полина застыла перед сумкой, взвешивая все за и против. Затем медленно достала свой телефон и открыла сообщения. Незаписанный номер, непонятная аватарка. Перечитала сообщение дважды, обернулась на дверь, прислушалась. Усмехнулась и быстро напечатала «да».

Заскрипела лестница, и раздались шаги. Лицо Полины изменилось. Чем ближе был звук, тем недовольнее становилось выражение. Распахнулась дверь – и во весь свой рост дверной проем заполнила собой фигура Дмитрия. Донельзя пьяная и счастливая.

Полина посмотрела на явившегося тем взглядом, которым одаривают сильно любящие, но жутко уставшие, изрядно обозленные и не готовые к диалогу люди. Приоткрыв рот и слегка выдвинув нижнюю челюсть вперед, она медлила.

Стоит ли говорить что-либо?..

Дмитрий, гордо вскинув голову, попросил ни о чем не спрашивать, пересек комнату по диагонали, на ходу снимая брюки, рубашку, носки, упал на кровать и захрапел. Полина повторила его путь, подбирая одежду и складывая вещи на стул.

Полина взяла подушку и наклонилась к Дмитрию.

Два главных мужчины ее жизни сейчас сопели в унисон на расстоянии метра друг от друга. Для обоих и она была самой главной женщиной на всем белом свете. На всю ли жизнь или на ближайшие 20-15-10 лет, а может, день?..

Полина внимательно разглядывала лицо мужа, сжимая и разжимая подушку в своих руках. Храп усилился. Не отрывая глаз, Полина подняла подушку на уровень своей груди, к храпу добавилось невнятное бормотание.

Полина с детства не любила находиться рядом с выпившими. Ее отец был алкоголиком, и лимит возможного терпения, понимания и сочувствия исчерпался еще до совершеннолетия. Ее просто трясло и выворачивало наизнанку, омерзение и брезгливость поднимались из самых потаенных уголков ее души, когда рядом был пьяный мужчина. Даже если с утра это был лучший муж и отец. Дмитрий знал это, но почему-то верил, что сумеет доказать супруге безобидность редких пьянок, раскладывая свое поведение на факты и логические выводы о присутствующем самоконтроле и отсутствии вреда для окружающих.

Полина зарычала в ответ на бормотание мужа и отложила подушку. Ушла в ванную комнату и вернулась со стаканом воды, поставила его на прикроватную тумбочку. Потом направилась к детской кроватке. Она взяла младенца, закинула себе на плечо одеяло и ушла в гардеробную, где стоял декоративный обитый бархатом диванчик. Полосатый и пузатый, он был вне моды и времени. Чего было не занимать у Полины, так это энтузиазма. Немного подушек, вдвое сложенное одеяло, окно над головой – и вот уже не место побега, а целое королевское ложе. Не учла она только несовпадение своего роста, победные метр семьдесят пять, и длины дивана. Проворочавшись под раскатистые фанфары храпа на импровизированной тахте Клеопатры до четырех утра, царица сдалась.

Ворча, что сегодня же разведется, а сейчас ей надо поспать хотя бы пару часов, Полина закутала спящего сына в одеяло и вышла из комнаты. Лестница вела вниз, на первый этаж, где размещалась гостиная и кухня. Злоба клокотала в груди, а по стопам пробежали мурашки – под пяткой явно была лужа, и это мокрое пятно уже обволакивало один за одним голые пальчики Полины.

– Старая карга! – прошипела Полина, но продолжила свой путь вниз, теперь прихрамывая и с особой осторожностью разглядывая ступени. Внизу на диване мирно спало нечто. Нечто еще пару лет назад было персидской кошкой, весьма разборчивой как в еде, так и в общении. Но на днях дама

должна была разменять второй десяток лет, и за последний год не только облезла, став напоминать своим видом общипанную курицу черепахового окраса, но и страдала недержанием. Вернее, страдали от ее недержания люди, а нечто (Etwas по паспорту) чувствовала себя прекрасно и планировала еще долго радовать жильцов дома.

Эта кошка была тем немногим, что Полина взяла с собой в новую, т.е. семейную жизнь. Она была олицетворением ее прошлого, которому пора бы было уже и сдохнуть, но хватка воспоминаний, подпитываемых то внезапным сообщением, то новостью от общих знакомых, была как когти орла, впившиеся в сочившуюся кровью жертву.

Теперь же, оказавшись фактически запертой в четырех стенах, вернее будет сказать, поселковых заборах, вдали от подруг, города со всем его арсеналом срочных дел, оставшись без работы и без когорты словесных поклонников (тех, чей максимум флирта – это короткое письмо в рабочую почту с выражением восхищения), Полина была отдана на растерзание фантомам прошлого. И каждое утро она надеялась обнаружить Нечто сдохшей. Но нет, старушка была крепка и мстила хозяйке регулярными лужами.

Счастливые воспоминания томят. Хочется снова пережить те сладостные, радостные или полные удивления моменты. И мозг усиленно ищет дверцу, через которую можно было бы прошмыгнуть, как опоздавший зритель на лучший фильм года, в тот чудесный миг, и сидеть, пусть на самом по-

следнем ряду, но наслаждаться и наслаждаться повторами... Нам, людям, этого не дано.

К 6 утра, мучимый жаждой и не удовлетворившийся оставленным подношением, Дмитрий выбрался на кухню. Кран, вода, стакан, холодильник, спазмалгон, глоток. Выдох... Нет, его утро сейчас не начнется, он будет спать, по возможности, до обеда, мог бы, если бы не сын. Что в субботу, что в понедельник у малого один план на утро – проснуться пораньше и заголосить! Кстати, где он и где жена???

Голова еще гудела, и не хотелось думать ни о чем сложном. Дмитрий оглянулся, прислушался и направился в гостевую комнату. На лоскутном покрывале в позе, делающей их похожими на персонажей картины Климта, лежали мать и ребенок. Малыш прижимался к груди женщины, расслабленный и безмятежный, он был обожаем родителями, и, казалось, даже его запах источает очарование. Отец улыбнулся и сел на кровать.

– Прости меня, я тебя очень люблю, – одним из неоспоримых достоинств Дмитрия, приобретенном в предыдущем браке, было умение извиняться до выдвижения женщиной обвинения.

Полина открыла глаза и первым, что увидела, был всклокоченный чуб на голове супруга. Будто фанат Элвиса Пресли уснул перед зеркалом, пытаясь повторить знаменитую прическу. Невозможно было не улыбнуться. И не умела она долго злиться.

– Не надо так больше. Хорошо?

– Ничего же не случилось, я просто перебрал, – как бы не понимая контекста, ответил Дмитрий.

Полина поморщилась. Каким милым и трогательным может быть мужчина после попойки, какая во взгляде готовность понести заслуженное наказание и надежда, что ему просто разрешат тихонечко лежать весь день в каком-нибудь самом неприметном уголке дома. Нет, с таким чудом разводиться нельзя! Это любовь! Встала Полина, твердо решив, что счастлива замужем и довольна своим новым статусом. Долго рылась в кладовке, пока не нашла не раскрытую еще коробку с летними вещами. Там должна была лежать белая мужская футболка с эмблемой хоккейной команды. ЕГО любимой команды.

Мучимая сомнениями, Полина перебрала содержимое коробки еще раз. Прошло более полугода или около того, как вещи были перевезены сюда, вполне возможно, что футболка где-то в другом месте. Но нет, она точно помнит, что убирала ее. Ладно, в другой раз...

Наступало время завтрака, любимого времени дня обоих, когда Полина и Дмитрий неспешно пили чай, обсуждали новости и планы на день, шутили и обменивались комплиментами, ведь завтрак супружеской пары – это своего рода прощание двух влюбленных перед долгим-долгим рабочим днем. Кроме того, сегодня должна была прийти Гуля, хотелось насладиться друг другом до ее появления.

Обычно диалоги двух женщин были короткие и о быте, немного о ребенке, вопросы о самочувствии и родственниках – для проформы. Эмоционально Полина, привыкшая с детства к чужим людям в доме, не вкладывалась в общение. Но если и есть человек, который знает, где та самая майка, то это Гуля. Поэтому Полина ждала ее с нетерпением и натренированной улыбкой.

Увидев домработницу, она обомлела: на мощной груди женщины был слегка растянут выцветший и местами в кракелюрах красно-синий герб хоккейной команды. Застыранная белая маечка плотно облежала фигуру... «Господи, да ОН же меня в этой самой маечке...», – только и смогла подумать Полина.

В жизни каждой женщины есть мужчина-заноза. И не понятно, что в нем было такого особенного, вроде и не скандалили, и любви до гроба не планировали, ни слез, ни ожиданий. Но отношения кончаются, а он остается. В виде безобидного скелетика в шкафу, даже не скелетика, а так, какой-нибудь ничего не значащей мелочи.

В голове Полины замелькали образы: московский ливень, случайное знакомство, запотевшие окна, белое вино, ее смех, касание руки, еще раз. Он молод, но нахален, не красавчик, но так самоуверен. Это просто веселье. Не просто: встречи урывками, звонки посреди ночи, столица, Питер, Хайфа, горестное осознание греховности происходящего. Разрыв. СМС, встреча, взгляд и все по новой... Ему 23,

ей 27, и он начинающий перспективный менеджер, она упирается молодостью и свободой; ему 25, и он в Москве на пару дней, ей 29, и работы столько, что не до отношений. Ей 31, ему 28. Отпуск, он встретил ее в аэропорту. Взгляд, объятия, поцелуй в макушку. Отель. Ночь. Он помолвлен. Нет, он не может приехать снова. Она выкинула его зубную щетку и бьет себя по рукам каждый раз, когда хотелось написать «Привет», ходит на свидания не с ним, спит с «так себе любовниками». Жизнь продолжается. Оставалась только его застиранная майка с эмблемой любимой хоккейной команды. В нее Полина куталась в особо холодные ночи. Она пахла им, его сигаретами, голосом, теплотой его рук, нежностью. Каждый раз, смотря на все, что осталось от мужчины, страсть к которому была всепоглощающей, всеобъемлющей и вытесняющей любые рациональные доводы «против», она думала: «Этой майке место на швабре!» Но выкинуть – дрожала рука. «Верну ему, если еще свидимся», – решила Полина и запрятала вещицу. Вещдоков больше не было. Порой в утиль стоит сдавать не только майки, но и свои воспоминания. Похоже, Вселенная решила показать это наглядно. Майка лучшего любовника стала спецодеждой для генеральных уборок захламленных пространств.

Глава 2

Москва, 2020

Лето выдалось жарким, душным и пыльным. Оттого улочки в районе Тишинки с кирпичными дышащими стенами домов казались более привлекательными, чем были на самом деле. Они манили обманчивой тишиной, влажными тротуарами, еще не высохшими после рейда поливальных машин, и тайными маленькими двориками с кустами сирени.

Был седьмой час вечера, но разобрать, спешат ли люди по домам после рабочего дня, ищут ли здесь уединения или находятся еще в рутинной погоне за выполнением плана, было невозможно. В Пресненском районе всегда оживленно. Проходя мимо, мужчины бросали на нее одобрительные взгляды. Некоторые останавливались, чтобы прикурить, и тогда бегло исследовали тело по этажам: щиколотки, колени, бедра, с линии таза сразу прыжок на грудь, шея, лицо, возвращение к ногам... Полина знала, что красива. Знала, какое впечатление она производит, и не стеснялась одаривать окружающих видом спортивного, гибкого тела. Но сейчас она выглядела растерянной. С утра все валилось из рук, смятение и страх волнами наступали и селили сомнения в ее рациональный, довольно расчетливый ум. Она ушла с головой в работу, но ровно в 18:00 начальник выставил ее из кабинета со словами, что завтра очень важный день и лучше ей как следу-

ет подготовиться. Вконец разнервничавшись, Полина начала обзванивать друзей, чтобы встретиться и поболтать часов до девяти, пока Дмитрий не освободится. Но Москва не тот город, где люди легко меняют свои планы. Ее не должно быть здесь. Но ноги сами шли на Малую Грузинскую. Последние два года Полина отчаянно старалась взять судьбу за узду и сменить маршрут. И у нее получалось. С боем, воем и откатами, скрипя зубами (воительница она была знатная). Имея не только греческое имя, но и корни, Полина жила с установкой: либо со щитом, либо на щите. Теперь же время понеслось с такой скоростью, что не оставалось возможности что-либо перепроверить и обдумать. Все чаще она чувствовала себя безоружной, а то и вовсе пораженной. Сегодня. Сейчас. Она здесь и войдет в арку дома, далее он ее встретит. Волнительно. Можно убежать, как в младших классах с уроков (она иногда так поступала, разворачиваясь на 180 градусов у входной двери школы). Но все уроки должны быть все равно пройдены... Пошатываясь на черных шпильках, Полина обошла лужу на асфальте и через кирпичный свод направилась в маленький, заставленный машинами жилой двор. Ноги ее подвели, она шаркнула лакированным носком о каменный бордюр.

– Да твою ж... – выругалась Полина. – Дивизию? – подхватил знакомый низкий теплый голос.

Высокий юноша в белой футболке и джинсах стоял посреди двора и тянулся к урне, чтобы затушить сигарету. Взгляд

с Полины он не сводил. Массивный подбородок, пухлые и чувственные губы, немного сросшиеся на переносице брови. Моментами нескладный, но живой и движущийся каждой косточкой своего скелета. Есть люди, которые входят в атмосферу, а есть, которые неведомым образом заставляют атмосферу образовываться вокруг себя. Таким был Лева Бикман. Его атмосфера состояла из удовольствия. Удовольствие было ключевым для него словом. И Лева по-настоящему умел жить, получая радость от каждой данной ему минуты: работа, друзья, трасса Питер – Москва или рейс Москва – Киев, игра в шахматы с отцом или разговор по душам со старым другом, неурядицы в офисе и женщины, красивые женщины – все в его мире было ярко, подвижно, маняще и вкусно!

Радость. Большой рот расплылся в широчайшей улыбке. Верхние зубы обнажились полностью, щечки стали в складочку и подпрыгнули вверх, заставляя глаза зажмуриться. Вся она стала напоминать разомлевшую на солнце кошку. Полина запустила руку в иссиня-черную гриву и перекинула волосы на левое плечо, подставляя свету линию скулы, шеи и ключицы. Дыхание перехватывало, и все, что нашлось сказать – это «Привет».

Лева шагнул навстречу и крепко обнял Полину. Уткнулся носом в ее волосы, сделал глубокий вдох, замер на мгновение, выдыхая, разомкнул объятия, отступил на полшага, посмотрел ей в глаза: «Потрясающе выглядишь». Кажется, они не виделись два года. Лев Бикман открыл дверь подъезда и

размашистым, панибратским жестом пригласил зайти.

Столько лет знакомы, а она впервые у него дома. Как это интересно бывает – люди годами видятся, общаются, но за всю историю могут так и не узнать, какого цвета тарелки человек предпочитает или о какой машине мечтал в детстве, любит ли классическую музыку или рок, когда начал самостоятельную жизнь и легко ли встает по утрам. Полина смотрела Лева в спину и чувствовала, что заходит на ту часть территории его жизни, где ей никогда не было места. То, что Лева назвал своей «холостяцкой квартирой», было обставлено явно с участием женщины. Шпильки Полины издали характерный цокот: под ногами лежала симпатичная плитка с незатейливым узором из молочно-белых и антрацитово-серых ромбов. В прихожей стояла консоль с вазой под обои, а рядом висел на проводах домофон, стену подпирала неприкрученная дверца гардероба.

– Мы только закончили, нужно еще мелочи подправить, – пояснил Лев. – Я быстро в душ, а ты проходи, располагайся, вон в том углу стоят книги...

Полина огляделась. Глянцево-белый стол на массивной ножке-колонне уравнивали модные (хоть в прошлом сезоне, но все же) пластиковые стулья Kartell, делил пространство большой, цвета сухой ржавчины кожаный диван, в тон ему – паркетная доска добавляла тепла всему дому. Черные светильники разной формы, но единой фактуры были размещены на стенах, над картинами, над обеденным столом

и над телевизором. Место для готовки было компактным и простым. Полина открыла холодильник – стало понятно, что жены в городе нет.

Как дома Полина себя не чувствовала, но ей было очень уютно в этой квартире. Такое место вполне подходило в ее голове под категорию «жилище». Пропустив зону с диваном и барным столиком, Полина направилась в угол комнаты, где висела репродукция знаменитой картины с рыжеволосой женщиной, а рядом на полу была выстроена римская колонна из твердопереpletных книг. Она смотрела на полотно и не повернулась, услышав шаги.

– Удивлена встретить здесь Шиле, – сказала она.

– Да, я очень люблю искусство начала XX века. Я стараюсь отовсюду привозить или картины, или книги с репродукциями. Вот эта стопка – все мое, – и Лева с гордостью указал на книжную башенку. Сверху лежал формата А3 каталог работ Кандинского. Полина поменялась в лице: «Как живопись коррелирует с финансовыми стратегиями и всем твоим образом жизни?!» Эта сторона Льва была для нее явно неожиданной. И как-то даже ранило, что они оба последние семь лет увлекались одним и тем же, но ни разу не подумали поговорить об этом. Лева по-подростковому пожал плечами:

– Меня это отвлекает, расслабляет. И я люблю все красивое. Это красиво. ...И ты красива, – Лев провел рукой по волосам Полины и обнял. Деликатность в обращении – тот ключик, который зачастую открывает многие двери, те, что

невозможно взять ни приступом, ни боем, ни измором. Лева предоставлял женщине право решать и говорить, как первое, так и последнее слово. И, что работало безотказно, никогда не скрывал своего восхищения прекрасным полом. Понятное дело, он пользовался немалым успехом!

Мурашки пробежали по спине, волоски на руках вздыбились и потянулись навстречу теплым ладоням. На мгновение Полина разрешила себе отозваться на ласку, опьяненная нежностью и чувством, будто рядом некто до невозможности близкий и знакомый. Они дышали в одном ритме, жили похожими страстями, оба были падки на удовольствия и жили по принципу «лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и жалеть всю жизнь».

Но если бы жизнь управляла транспортным средством в зависимости от человеческих желаний, то мы бы все никуда не уехали. Шофер то и дело перепрыгивал бы с «Порше» на «Мерседес», с «Феррари» на БМВ, а то и с батута на «Теслу». Поэтому всех нас равняют машиной-катком. Борзые, дерзкие, непокорные – после 30 все немного уменьшают громкость своих высказываний, добавляют в общение вежливости и фразы типа «я возьму пару дней на подумать и отвечу позже», «давайте все взвесим», «ваша точка зрения мне не близка, но мнение интересно».

Жизнь нас перемалывает и учит. Не обязательно ломать, но приструнить – это она делает с каждым. От бесконечных падений с розовых облаков у Полины были разбиты все ко-

лени. А заприметив в зеркале первые признаки старения, она вдруг заволновалась насчет отпущенного ей времени, и не утечет ли все стоящее сквозь пальцы, пока она сломя голову кидается в авантюры и сомнительные знакомства. Год за годом она слышала комплименты по поводу своей улыбки, сексуальности, красоты и доброты, доброты красоты, сексуальности. Платья с голой спиной и смех, смех и платья... Действительно, с Полиной было весело. Всем. Кладезь как слухов и скабрёзных историй, так и весьма серьезных знаний о мироустройстве, она была из тех женщин, что видели мир большой картинкой, объемно, едино, со всеми сложными сплетениями и переливами. И оттого она быстро разгадывала скрытые желания и выдавала в эфир именно то, чего жаждали сердца публики. Ее заводил хаос, она танцевала с ним пляску не то жизни, не то смерти, пока надвигающийся каток не начал сигналить все громче и громче.

Время, время, дорогая.

Мы с тобою не играем,

Посмотри на нас скорее,

Как поймешь, так повзрослеешь.

Тики-тики – тики-так,

Мы отсчитываем такт,

Ты теряешь нас, подруга,

В цирке бегая по кругу.

Лева был не единственным, но самым любимым. Он не врал, обещал всегда искренне (что несколько не мешало ему

не исполнять данных обещаний) и обожал Полину с ног до головы. Когда она стояла перед ним обнаженной, Лева видел первозданную, животную красоту – самку, пышущую жаждой продолжения рода. И он падал в бездну каждый раз, сближаясь с этой женщиной. Возможно, случись все в другом городе или в другое время, будь они еще совсем юными или, наоборот, уже скучающими от своей опытности, они составили бы сносный союз. Но не в этой жизни, не в этой истории. Их линии шли параллельно, пересекаясь не по воле, но вопреки. Лева женился на своей старой подруге, которая была рядом последние 10 лет и не задавала лишних вопросов. Им было удобно вместе, а с Полиной было бы так, как бывает удобно спать влюбленным на одноместной койке – сначала радостно и страстно, потом жарко, душно, тесно; нужна вторая подушка и одеяло; кто-то сдастся первым и придвинет вторую кровать...

Мягко выскользнув из объятий, Полина спросила: «Что ты помнишь о наших отношениях?»

– Я все помню, особенно вот эти плечи, эту впадинку у шеи...

– Стоп, стоп, стоп. У нас нет ни времени, ни права на это, – раздумываясь Полина начала заливаться смехом женщины, которая играет смущение, но намеренно играет плохо.

– Мне дороги наши встречи, но и они закончатся. Что останется в памяти?

– Я не думаю, что мы прекратим общаться. Как у Марке-

са, лет до 70 будем время от времени сбегать от бренности бытия.

Оба представили секс с тонометром и валидолом вместо игрушек и решили, что вина на старость нужно запасти побольше. Они смеялись и возвращались в разговоре к событиям 2-5-7-летней давности.

– Я помню твою чудесную квартирку в центре. И матрас на антресоли, и ввинченные в потолок дверные ручки.

– Видел бы ты лицо моего начальника, когда он понял, для чего они! – Полина перехватила сигарету у бывшего любовника, с удовольствием затянулась. – Он потом еще месяц спрашивал, достаточно ли надежно они закреплены.

– Ты спала с начальником?! Я ревную...

– Не богохульствуй! Начальник – это святое. Он гений и профессионал, и образцовый семьянин! Ни-ни.

Сигарета потухла от грубого столкновения с перилами балкона. Полина заходила в комнату: «А что мне оставалось делать? Ты в Израиле, я одинокая женщина, практически сирота. Я купила дрель, но то место, где я училась ею пользоваться, теперь завешено фоторамкой. Навечно. Я сказала, что у меня болевая спина. И настоящий джентльмен не бросил в беде. Зато теперь знаю – чтобы сверлить потолок, нужен шуруповерт и дупеля!» – Полина гордо вскинула указательный палец вверх.

Лева замахал руками: «Не-не-не, я не за такими делами. Я работник умственного труда. Мне нравилось, как ты встре-

чала меня, когда я приезжал из Питера. Всегда красивая, и так смотрела, будто я единственный мужчина в мире. В темноте, и пахло апельсинами...».

– Я так и чувствовала. Было здорово. Но время идет, и пришла пора стать взрослыми.

– Что-то ты больно серьезна.

– Лев Борисович, я выхожу замуж.

Лева посмотрел с недоверием:

– Зачем это нужно? Разве брак улучшает отношения, делает их крепче? Нет, он делает их сложнее! У тебя все хорошо: ты красива, востребована, тебя хотят! Ты достаточно умна, чтобы ни от кого не зависеть. От тебя прет такой энергией, что глупо все это облачать в монашеские одеяния и отправлять служить на кухню.

– Я хочу бОльшего. Здесь в своей роли, я все знаю. А там я не была. Меня заводит эта неизвестность. В конце концов, все ж ради любви... Когда встречаешь своего человека, надо за него хвататься! Бог или кто там сверху дает нам не так уж много попыток пройти этот уровень. Избегать сложностей можно, но зачем? От скольких перспектив я откажусь, если отвергать все, что пророчит изменения? А именно этого я и хочу – узнать другую сторону себя, ту, которую увидел он. Я еще не понимала ничего, а он уже сказал: «Ты будешь моей женой». Может быть, я тогда впервые по-настоящему почувствовала, что я не одна. Теперь не одна. И он хочет быть рядом и заботиться обо мне во все дни недели, а не по буд-

ням после шести. Счастье – это не когда все стабильно и не когда постоянно весело или одинаково сыто, а когда хочется продолжать. Проснулась и понимаешь: уснуть хочешь тоже с ним, и завтра чтобы открыла глаза, и его затылок, и краешек уха, и сопит смешно, а может, даже и похрапывает, а тебе хорошо от этого! И думаешь, как здорово вы на днях в парке погуляли, а куда бы еще сходить в похожее место – вот это вот счастье!

Леве не особо было интересно слушать такое.

– Проще надо быть, Полин. Сегодня, здесь и сейчас – тебе хорошо и мне хорошо, а что там завтра, никто не знает! Помнишь, когда мы познакомились, разве у нас было время взвешивать и рассуждать? У нас была одна ночь и все, мы сделали шаг – и вот, который год.

Полина погрустнела. Два года назад, как и пять, и семь лет назад, она бы побежала, полетела, поехала бы за Левой куда угодно. Если бы он позвал. Но он не звал, как не звал и двухметровый майор, и известный режиссер-сценарист Иткин, и менеджер по банковским vip-клиентам Сашенька, и давний дружок Тимур. Всех все устраивало: красивая жизнь, красивая женщина, яркие эмоции, огни Москвы.

Образ любовницы предстает идеальным. Женщина собирает сливки, не пачкаясь бытом, финансовым бременем и, не дай бог, вопросами здоровья мужчины. Но и здесь все по Маслоу: если удовлетворены базовые потребности, начинаются более сложные желания – созидательные. Хочется тво-

ритель, наполнять смыслами пространство. Хочется партнера, с которым можно изобрести, развить, расширить. И красивая картинка начинает тереться лбами с ежедневной жизнью с ее весьма занудными уточнениями, и вот Вашей ненаглядной женщине-кошке в леопардовой комбинации уже не хочется клубники, а хочется найти здание в аренду повыгоднее и собрать волосы в пучок, а в голове некая бизнес-чудо-концепция. А однажды она скажет, что ей не хочется веселиться, а на самом деле грустно, и начнется разговор про душу, страхи и мысли о будущем. И Вы впервые услышите про ее комплексы и увидите толстые щиколотки. И состояние будет, как после праздника, который закончился раньше, чем Вы напились.

– Но ты не женишься на мне, – Полина протянула бокал под вино и посмотрела на Леву умоляюще-безнадежно.

– Поль, ну ты же знаешь, какой я муж, какой у меня образ жизни, – Лева сделал паузу, откупоривая бутылку белого. – Давай смотреть на вещи трезво, брак – это условность. Нам надо пару лет, чтобы наиграться в традиции, родить детей, пережить первый сложный год, а затем все встанет на свои места. Ты и я. Мы просто отдаем дань обществу, согласись.

Полина слушала и не соглашалась.

– Я ему не изменяю. Люблю его. Мне бы очень пошла твоя фамилия, но лучший вариант – это то, как есть, верно?

Лева улыбнулся: «Когда свадьба-то?»

– Завтра.

Полина закинула голову назад, давая холодному вину освежающей волной пройти по горлу. И обняла Леву так крепко, как только могла. Она хотела обжечься, напиться, сохранить энергетику этого человека на себе. Хотела превратиться в ткань на его теле. Чтобы осталось хоть что-то в ее новой, традиционной, статусной жизни. Больше они не увидятся.

Глава 3

Москва, 2021 год

Долгий экскурс в никуда

К обеду раскачавшись и имея изумительную причину, а именно необходимость встретить горячо любимую маму, Дмитрий уехал в Москву. Так он избежал невыносимых укоризненных взглядов супруги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.